



Иванян Е. П. Последний vs крайний в онтологическом освещении / Е. П. Иванян, А. М. Ключина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 46—67. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-46-67.

Ivanyan, E. P., Klyushina, A. M. (2022). 'Posledniy' [Last] vs 'Krayniy' [Latest] in Ontological Presentation. *Nauchnyi dialog*, 11(4): 46-67. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-46-67. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-46-67

Последний vs крайний в онтологическом освещении

Иванян Елена Павловна
orcid.org/0000-0003-4782-0658
доктор филологических наук,
профессор
кафедры русского языка, культуры речи
и методики их преподавания
ivanyan@pgsga.ru

Ключина Алёна Михайловна
orcid.org/0000-0003-2465-348X
кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии и
межкультурной коммуникации
klyushina@pgsga.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет
(Самара, Россия)

'Posledniy' [Last] vs 'Krayniy' [Latest] in Ontological Presentation

Elena P. Ivanyan
orcid.org/0000-0003-4782-0658
Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian Language,
Speech Culture and Teaching Methods
ivanyan@pgsga.ru

Alena M. Klyushina
orcid.org/0000-0003-2465-348X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Philology
and Intercultural Communication
klyushina@pgsga.ru

Samara State University
of Social Sciences and Education
(Samara, Russia)

© Иванян Е. П., Ключина А. М., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о замене в синонимической паре *последний* — *крайний*. Уделяется внимание характеристике речевых стереотипов и видов фреймов, формирующих субституцию в синонимической паре. Представлены результаты сопоставительного анализа эвристик лингвокреативного мышления с уровнем речевой культуры коммуникантов, применяющих катахрезу в данной паре. Проводится изучение замен в онтологическом освещении, учитывающем лексико-семантический, когнитивный, генристический, экстралингвистический, лингвокультурный и ортологический аспекты. Описывается многообразие функций изучаемой синонимической пары в различных типах дискурса. Актуальность исследования обусловлена продолжающейся языковой модой на замену лексемы *последний* словом *крайний*. Авторы останавливаются на изучении мемов, касающихся синонимической замены, выявления их функций и особенностей. Показано, что при актуализации функции художественно-образной конкретизации изображаемого проявляется миметический характер в применении данной субституции. Определены параметры социальной действительности, обусловившие замены в синонимической паре языковой моды «первой и второй волны». Предложена характеристика прагматических значений рефлексивов в газетном дискурсе в соотнесении с выполняемыми ими функциями. Показано, что субститут *крайний* становится рефлексойдом.

Ключевые слова:

субституция; эвфемизм; языковые новации; ортология; лексическая ошибка; языковая мода; синонимическая пара; крайний и последний; рефлексойд.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of replacement in the synonymic pair *last* — *latest* is considered. Attention is paid to the characteristics of speech stereotypes and types of frames that form substitution in a synonymic pair. The results of a comparative analysis of the heuristics of linguo-creative thinking with the level of speech culture of communicants using catachresis in this pair are presented. The study of replacements in ontological coverage is carried out, taking into account the lexico-semantic, cognitive, generistic, extralinguistic, linguocultural and orthological aspects. The variety of functions of the studied synonymic pair in various types of discourse is described. The relevance of the study is due to the ongoing linguistic fashion to replace the lexeme *last* with the word *latest*. The authors dwell on the study of memes related to synonymous replacement, identifying their functions and features. It is shown that when the function of artistic figurative concretization of the depicted is actualized, a mimetic character is manifested in the application of this substitution. The parameters of social reality, which caused the replacements in the synonymous pair of the language fashion of the “first and second wave” are determined. A characteristic of the pragmatic meanings of reflexives in newspaper discourse is proposed in relation to the functions they perform. It is shown that the substitute *latest* becomes a reflexoid.

Key words:

substitution; euphemism; language innovations; orthology; lexical mistake; language fashion; synonymous pair; last and latest; reflexoid.



УДК 811.161.1'373.421

Последний vs крайний **В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

© Иванян Е. П., Ключина А. М., 2022

1. Введение = Introduction

В русском дискурсе середины XX века возникла оппозиция синонимической пары (СП) *последний* — *крайний* в коммуникативной ситуации необходимости занять место в очереди. В обиходном дискурсе был предложен субститут *крайний* как более вежливый. Такую вежливость филологи называли «ложной вежливостью», гиперкоррекцией, «народной политкорректностью» [Гусейнов, 2012, с. 100], связывали с «ложными представлениями о магической силе слов» [Иссерс, 2017, с. 43]. Также субституция в данной СП начала применяться в сочетании прилагательного с лексемами с семантикой времени, абстрактными существительными, обозначающими опредмеченные действия опасных сфер деятельности (*день, час, бой, поединок, полёт, поездка* и т. п.).

Актуальность исследования обусловлена продолжающейся языковой модой на употребление лексемы *крайний* вместо слова *последний*.

Рассматривая вопрос о замене в СП *последний* — *крайний*, считаем необходимым выполнить анализ различных аспектов изучения исследуемой СП в научной литературе (лексико-семантический, когнитивный, генристический, экстралингвистический, лингвокультурный, ортологический), уделяя особое внимание характеристике речевых стереотипов и видов фреймов, формирующих субституцию в СП.

Настоящее исследование выполнено в русле изысканий авторов статьи и продолжает цикл научных работ, посвященных функционально-семантической категории крайности, например: [Ключина, 2020; Ключина, 2021; Ivanyan et al., 2021].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Обзор научных работ по теме исследования позволяет отметить, что ортологический аспект СП *последний* — *крайний* раскрыт достаточно полно в научной и научно-популярной литературе [Головина, 2014; Колесов, 1988; Новикова и др., 2016; Успенский, 1962 и др.]. В прикладном аспекте лингвистической русистики проблема субституции в СП *последний* — *крайний* затронута в статье [Тудосе, 2006]. При изучении лексемы *последний* в гендерном аспекте были выявлены ассоциации,

среди которых у женщин представлен ассоциат *очередь* [Колесникова, 2015].

В работе [Головина, 2014] предпринята попытка определить лингвистические, экстралингвистические и психолингвистические причины возникновения данной лексической ошибки, а также её возрождения во втором десятилетии XXI века. Квалификация этой речевой замены одного слова другим как *лексической ошибки* никак не помешала инициации второй волны популярности субституции в СП *последний* — *крайний*, которая сохраняется и в настоящее время.

В работе [Иссерс, 2017, с. 43] отмечено, что скорость и масштабы внедрения в дискурсивные практики современного русского языка субституции в анализируемой СП не позволяют относить данные факты к речевым ошибкам и требуют поиска иных причин, лежащих в сфере коммуникативно-прагматической и когнитивной специфики функционирования языка. О. С. Иссерс объясняет феномен «второй волны», обратившись к понятию «массовая культура русской речи» и его сущностным характеристикам, которые и указывают на возможность «вирусного распространения» ошибочных новаций в новой медиасреде.

Целью настоящей статьи является онтологическое освещение бытования СП в русском дискурсе, предполагающее её всестороннюю характеристику в лексико-семантическом, когнитивном, генристическом, экстра-лингвистическом, лингвокультурном и ортологическом аспектах с указанием многообразия функций изучаемой СП в различных типах дискурса.

Отметим, что наше исследование никоим образом не отрицает того факта, что значительное количество субституций в СП *последний* — *крайний* является лексической ошибкой. Целью исследования является поиск ответа на вопрос, каковы причины удивительной стойкости, возрождения и развития в современном русском дискурсе данной ошибки.

Материалом исследования явились примеры из «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ] в количестве 97 единиц (79 примеров из газетного типа дискурса и 18 из художественного типа дискурса), авторская картотека примеров из СМИ и некоторые лингвистические мемы.

В настоящей статье представлены результаты сопоставительного анализа эвристик лингвокреативного мышления с уровнем речевой культуры коммуникантов, применяющих катахрезу в исследуемой СП; изучены замены в онтологическом освещении, учитывающем лексико-семантический, когнитивный, генристический, экстралингвистический, лингвокультурный и ортологический аспекты; описаны разнообразные функции исследуемой СП в различных типах дискурса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1 Лексико-семантический аспект изучения синонимической пары *последний* — *крайний*

3.1.1. Возникновение субституции в СП *последний* — *крайний* обусловлено тем, что лексема *последний* является полисемантом. Среди её значений — ‘совсем плохой, самый худший’. Это значение создает отрицательные коннотации, влияющие и на другие семемы слова; коммуниканты, «занимающие место в очереди», применяют субституцию с целью избежать названные коннотации (явление гипервежливости).

3.1.2. Одно из значений лексемы *последний* ‘конечный в ряду чего-то’ создаёт неприятные коннотации, связанные со смертью, их стремятся избежать коммуниканты опасных сфер деятельности, обращаясь к субституции. В подобных случаях субституция в СП *последний* — *крайний* приводит к лексической ошибке, которую следует квалифицировать как профессионализм на основании ряда признаков: свойственна социальным группам профессий, связанных с опасной деятельностью; является просторечным эквивалентом литературного варианта; противоречит кодификации; входит в лексический комплекс, ограниченный количественно и по числу применяющих этот комплекс коммуникантов. Данный профессионализм, будучи лексической ошибкой, сохраняет эмоциональную и аргументативную привлекательность для некоторого слоя носителей русского языка, становясь предметом предпочтения в СП. При этом профессионализм в процессе бытования распространяется за пределы профессионально маркированных групп, переходя в сферу просторечия и разговорной речи литературного языка, пополняя пласт просторечия новых средств (просторечие второго временного периода).

3.1.3. Субституция в СП *последний* — *крайний* носит ограниченный характер, поскольку, согласно Л. А. Новикову, «несовпадающие дифференциальные признаки (семы) синонимов не находятся в отношении взаимоисключения, поэтому значения (семемы синонимов не отрицают, не исключают, а уточняют друг друга <...>» [Новиков, 1982, с. 183].

Анализ примеров из НКРЯ показал, что многие контексты не предполагают исключаящих отношений *крайний* либо *последний*; существует значительное количество текстов, в которых данные синонимы находятся в отношениях дизъюнкции. Подобные примеры датируются и XIX, и XX веками, например:

(1) *Наконец наступил канун отъезда. Завтрашнее утро — крайний, последний срок* (В. В. Крестовский. Панургово стадо, 1869) [НКРЯ];

(2) *И всю деревню надо пройти под окнами, потому что дом Григория Ивановича и Пелагеи Николаевны самый крайний, последний, с того конца* (В. А. Солоухин. Смех за левым плечом, 1989) [Там же].

3.1.4. Примечательно, что стилистическая функция усиления в СП осуществляется в последовательности *крайний*, *последний* и, напротив, в последовательности *последний*, *крайний*, сравним:

(3) *Он молча, понимающе кивает мне головой и опускается на пол, на ковер, к моим ногам. Знает ли он, что это **последняя, крайняя**, самая полная наша минута?* (В. Д. Пришвина. Невидимый град, 1962) [Там же];

(4) *Драка — **последний, крайний** случай. Островский, правда, говорил, что драться вообще-то можно и даже нужно, только нужно знать, кого бить и за что бить...* (Н. Коляда. Барак, 1987) [Там же].

3.1.5. Приведенные примеры демонстрируют приём усиления, нанизывания посредством СП. Исследуемая синонимическая пара применяется и в приёме градации, например:

(5) *Вот когда-то ребёнок он — **незнающий, детски, ангельски** — чистый; вот юноша, вот мечтатель, бросивший казённый, не удовлетворявший его университет, вот философ, затворник, мученик, истязаемый роєм страстей своих, вот искатель того абсолюта, без которого мир весь ничто, вот скептик **последний, крайний, безудержный**, вот одинокий и грязный старик, скряга, безнадежно опускающийся в самые зловонные провалы <...>* (И. А. Новиков. Золотые кресты, 1907) [Там же].

При нанизывании синонимов и в приёме градации осуществляется функция усиления признака.

3.1.6. В нашем текстовом материале также представлен приём сопоставительно-контрастного объединения, в котором синонимы воспринимаются как антонимы, антосинонимии, согласно [Караулов, 1976, с. 116]. Синонимы употребляются в противительных конструкциях в примерах:

(6) — *Это были **последние спасённые русскими?** / Андрей Легошин: — Для нас они **крайние, а не последние**. Я думаю, ещё будут чудесные избавления. Там сейчас достаточно сил, много техники (А. Коц. «Мы шутим даже в аду, иначе съедет крыша...») // Комсомольская правда, 2001.02.03) [НКРЯ];*

(7) *А дальше... Дальше часть из нас выйдет на свой **последний** — именно **последний, а не «крайний»** бой, и — или победим или умрём (Филипп Артуа // ВКонтакте) [AA].*

В примерах антосинонимии в СП *крайний* — *последний* реализуется функция противоположения.

3.1.7. В художественном типе дискурса с субституцией в СП *крайний* — *последний* при изображении очереди может быть представлена функция художественно-образной конкретизации изображаемого, благодаря которой создается образ толпы, которой не чужды суеверия, например:

(8) — *Скажите, пожалуйста, кто **последний**? — Здесь **последних** нет, — сострила черномазенькая с задорным зубом. — **Крайнюю** ищите,*

гражданочка? — спросила пожилая, в голубых носочках, с седоватой мо-
чалкой на голове. — **Крайняя** будто за мной занимала, да ушла (И. Греко-
ва. Дамский мастер, 1963) [НКРЯ];

(9) <...> на Главпочте открыто окошечко для приёма телеграмм.
Отсюда и можно послать весточку любимой. Так вы **последняя**? Ста-
руха в выносившейся плюшевой жакетке подчёркнуто ответила, что она
не **последняя**, а **крайняя**. И, насупившись, отвернулась. Ну что ж, очень
хорошо, очень хорошо, что не **последняя**, а только **крайняя** (В. М. Шапко.
Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016) [Там же].

Художественно-образная конкретизация изображаемого характеризует
ситуацию российской очереди в целом. Функция художественно-образной
конкретизации изображаемого представлена в единичных примерах газет-
ного типа дискурса с СП **крайний** — **последний**. В подобных случаях осу-
ществляется характеристика социальной ситуации, например:

(10) (Потому что желающих получить документы много, а окошко,
из которого они выдаются, одно и маленькое, а тётенька, которая за ним
сидит, толстая и медлительная. Или их двое, но у них как раз закипел
чайник.) Очередь в УФМС обязательно кем-то возглавляется (далее —
смотрящий). Просто подойти и спросить: «Кто тут **крайний**?» — рас-
пространенная ошибка новичков. Нужно непременно найти этого челове-
ка с замятым клочком бумаги, на котором разными почерками записаны
труднопроизносимые фамилии, и добиться, чтобы тебя туда вписали, —
с этого момента ты официально часть очереди, и у тебя есть право го-
лоса, т. е. теперь ты можешь сказать свое «Вас тут не стояло!» (Новая
газета, 2017.11.01) [Там же].

В целом можно говорить, что при субституции в СП **крайний** — **по-
следний** при реализации функции художественно-образной конкретизации
изображаемого наблюдается миметический характер в эксплуатации на-
званной оппозиции.

3.1.8. Намеренное употребление **крайний** вместо **последний** актуали-
зирует функцию иронии, реализуя вторичное значение в номинации. Так,
ирония содержится в названии романа В. Пелевина «Лампа Мафусаила,
или Крайняя битва чекистов с масонами» (2016) [АА]. Об ироническом
модусе, иронической рефлексии в данной субституции см.: [Иссерс, 2017,
с. 49—50].

3.2. Когнитивный аспект изучения синонимической пары **послед- ний** — **крайний**

3.2.1. Анализ примеров субституции в СП **последний** — **крайний** позво-
ляет утверждать, что здесь представлено два фрейма, отвечающих за следу-

ющие коммуникативные ситуации: 1) вопрос определения места в очереди (*Кто последний / крайний?*); 2) свободные сочетания слов типа *последний раз, последний бой, последний полёт* и т. п., «тяготеющие» к субституции членом СП. Фреймы реализуются посредством речевых стереотипов (РС). Согласно В. А. Рыжкову, это знаки вербальной фиксации подмеченных потребностей социальной группы, этноса, национально-культурного ареала [Рыжков, 1988]. РС способны существовать в качестве статической пропозиции или как динамический фрейм с участниками, ходом событий и подобное [Вилинбахова, 2015, с. 54].

3.2.2. Первый фрейм отражает РС диалога в очереди и связан с ситуацией «Очередь», это динамический фрейм. Продолжение РС развивается по двум сценариям: а) принятие вопроса (*Кто последний?*), б) отвержение вопроса с требованием замены его на вопрос (*Кто крайний?*). В случае б) участники очереди нередко начинают спорить, как правильно спрашивать. Данный фрейм представлен в двух субвариантах: с начальной фразой *Кто последний?* или с начальной фразой *Кто крайний?*. Например: (8), (10).

(11) *У стойки толпились любители выпить. — Кто крайний? — спросил Вадя слабым голосом. — Я последний, — вызываяще ответил ему интеллигентный пьяница в пенсне. — «Крайний» — это не по-русски. — А товарищ Тепикин говорит «крайний», — ровным, тихим голосом возразил Вадя. — Какой там еще Тепикин? — Если вы не знаете товарища Тепикина, значит, вы не знаете новых правил русской грамматики, — сказал Вадя, и человек в пенсне вытаращил глаза* (В. Дудинцев. Не хлебом единым, 1956) [НКРЯ].

Попутно отметим, что (11) по времени — первый пример субституции в СП *крайний — последний*, фиксируемый для художественного типа дискурса в НКРЯ.

3.2.3. Второй фрейм реализуется РС в статической пропозиции, описывающей ситуацию из опасной сферы деятельности: военные (лётчики, моряки, подводники). В дальнейшем, как показано в [Головина, 2014], субституция СП переносится и на ситуации с экстремальными видами спорта. Начиная с 2005 года фрейм, помимо ситуаций опасной сферы деятельности, реализуется применительно к сфере творческих профессий, поскольку в этой среде продуцируется множество суеверий и примет, например:

(12) *А в конце Юрий Шевчук сказал: — Крайний стишок из новой книги прочту вам <...> (А. Вассар. Юрий Шевчук: — Рок музыка ставит вопрос не «спать или не спать», а «быть или не быть»)... // Комсомольская правда, 2009.10.28) [НКРЯ];*

(13) *Сами же музыканты легендарной трэш-металлической группы сейчас продолжают запись нового альбома. Крайний был выпущен еще три*

года назад (А. Рогоза, В. Ли. Slayer порадовали фанатов коллекцией свитеров с черепами и лого группы // Комсомольская правда, 2012.11.23) [Там же].

3.2.4. Бытование РС первого фрейма в русском дискурсе на протяжении десятилетий вызвало к жизни прецедентное высказывание (ПВ) иронического характера из мультфильма «Падал прошлогодний снег» (1983): *Кто тут, к примеру, в цари крайний?* [АА]. ПВ бытует в газетном типе дискурса, например:

(14) *Михаил узнал, что Ярополк отлучился из Владимира по ростовской дороге (тот поехал в Переяславль-Залесский) и рванул на Владимир. А там какая удача! и дружины нет, все полторы тысячи ушли вместе с Ярополком. Дальше было как в известном мультике: **Кто тут, к примеру, в цари крайний?** Никого? Так я первый буду!. Возможно, именно с такими словами Михаил закрылся в городе вместе с жителями* (В. Граков. Зачем рязанцы 835 лет назад сожгли Москву // Комсомольская правда, 2012.09.28) [НКРЯ].

В художественном типе дискурса ПВ низкочастотно, например:

(15) [Олигарх Тимофей Кольцов стремится стать губернатором] *«**Кто тут в цари крайний?** — вспомнила Катерина. — Никого? Ну, тогда я первый!»* (Т. Устинова. Персональный ангел, 2002) [Там же].

3.2.5. Примеры из НКРЯ фиксируют с 40-х годов XX века новое значение для лексемы *крайний* ‘ответственный за что-либо, виноватый в чём-либо’, например:

(16) *И тогда оказывается, что мы **были крайними** на войне, то есть кто выполнял приказы, **оказываются крайними** теперь, когда приходится отвечать за все последствия войны!* (С. Алексеевич. Цинковые мальчики, 1984—1994) [Там же].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева дано толкование: «**Крайним** называют человека, на которого перекаладывают вину или ответственность за то, в чём виновны или за что должны отвечать несколько человек» [ТСРЯД, ч. 9, 2003].

Новое значение лексемы *крайний* в дискурсе нередко обыгрывается в ситуации ‘быть крайним в очереди’, например:

(17) [Персонаж отправился к киоску с мороженым] *Я видела, как он что-то спросил у девушки в белом пуховом платке. Блеснули чёрные раскосые глаза из-под заснеженного платочка. «Наверное, спросил, она ли **крайняя?**» — подумала я тогда. Но **крайней оказалась я**. Совсем скоро мой Валька ушёл от меня навсегда к девушке в белом пуховом платке* (Е. Маркова. Мяч, 1990—2000) [НКРЯ].

Лингвистические мемы подтверждают этот приём обыгрывания. Например, на рисунке 1 обыгрываются смысловые комплексы ‘быть крайним

в очереди’ и ‘крайний — это ответственный, виноватый’ и фразеологизм *стрелочник виноват* с тем же значением ‘оказаться безвинно виноватым’.



Рис. 1. Пример лингвистического мема с обыгрыванием значения ‘быть крайним в очереди’

В целом описанные фреймы на базе РС в непосредственной и опосредованной коммуникациях выполняют регулятивную функцию, направленную на вербальное регулирование описываемого положения дел. Воспроизводимый в РС фрейм «Очередь» при определённом коммуникативном задании приобретает миметический характер воспроизведения очереди российской действительности.

3.3. Генристический аспект изучения синонимической пары *последний — крайний*

В исследовании [Сидоренко, 2020], посвящённом характеристике такого жанра речи, как запрет, попутно говорится и о запрете на произнесение слова *последний*. При этом А. В. Сидоренко отличает жанр собственно запрета от жанра трансляции опыта или своего рода произнесения слова *последний*, связанного с экстремальной ситуацией [Сидоренко, 2020, с. 101]. Полагаем, что генристический аспект раскрывает формирование субституции в СП *крайний — последний* как явление вербальной табуизации. Безусловно, эвфемизация того или иного слова из-за суеверия является языковой универсалией. Таким образом, при субституции в СП *крайний — последний* реализуется эвфемистическая функция, а именно — социально-медиаторная функция предотвращения коммуникативной неудачи, ср.: [Реброва, 2020].

В целом РС, реализуемый во втором фрейме субституции в СП *крайний — последний*, в речи представителей экстремальных видов деятельности выполняет психотерапевтическую функцию, замещая нечто неподвластное контролю; социализирующую функцию, ср.: [Чергинцев, 2008].

Как отмечал Ю. Бохеньский, «суеверие — это верование, которое, конечно, в высшей степени ложно, но, несмотря на это, считается несомненно истинным» [Бохеньский, 1993, с. 7]. См., как обыгрывается жанр запрета на произнесение слова *последний* в лингвистическом меме (рис. 2). Кроме того, здесь комический эффект создается столкновением сразу двух речевых оборотов (добавляется ещё и выражение *за вами*, которое может быть истолковано различно).



Рис. 2. Пример лингвистического мема с обыгрыванием жанра запрета на произнесение слова *последний*

Согласно исследованию [Иссерс, 2014, с. 49], осуществлённому на материале медиасреды, в середине второго десятилетия XXI века в массовой культуре русской речи наблюдается экспансия эвфемистического обозначения табуированного смысла, что приводит к изменению прагматического значения эвфемизма: из осознанного употребления в функции эвфемизма слово переходит в разряд речевых автоматизмов. При этом семантическое выветривание приводит к десемантизации первичного табу.

3.4. Экстралингвистический аспект изучения синонимической пары *последний* — *крайний*

3.4.1. При характеристике экстралингвистического аспекта следует выявить причины возникновения субституции в СП *крайний* — *последний* для «первой волны», которая начинается с середины и угасает к концу XX века, и «второй», начало которой определяем по примерам НКРЯ с се-

редины первого десятилетия XXI века. Попутно отметим, что О. С. Иссерс на материале данных, полученных из компьютерной базы СМИ «Медиа-логия», и собственной картотеки примеров в статье 2017-го года пишет: «В последние 5 лет мы стали свидетелями своего рода “цунами” массового речевого суеверия, стремительно обрушившегося на все сферы жизни» [Иссерс, 2017, с. 45]. Констатируем, что волна субституции в СП не спадает и в начале третьего десятилетия XXI века.

3.4.2. Среди параметров социальной действительности, обусловивших феномен субституции в СП *крайний* — *последний* «первой волны», следует назвать 1) гуманизацию многих сфер российской действительности, вызванную советской оттепелью, эмоциональной эйфорией советского народа, что инициировало и обострение народной рефлексии, развитие фольклорной формы анекдотов и под., 2) повсеместная распространённость в то время в России такого явления действительности, как значительное количество очередей. Приведем подтверждающий сказанное пример из газетного типа дискурса XXI века:

(18) *У нас легче организовать фестиваль добрых дел, чем разовую акцию для льготников в октябре в Нижнем Новгороде несколько дней наблюдаются прямо-таки советские очереди. Самый популярный вопрос в Нижнем: «Кто **крайний?**»* (Б. Бронштейн. Крайний Новгород // Новая газета, 2015.10.21) [НКРЯ];

(19) *в Перми все спокойно. «Перестройка» где-то там, а в Перми все «по-брежневу». Люди **покорно терпят пытку очередями**: пообедать, постричься, зарплату получить — «Кто **крайний?**» — и стоят, тупо читая наглядную агитацию, и час, и два...* (В. Киршин. Очерки частной жизни пермяков // «Уральская новь», 2002) [Там же].

3.4.3. Характеризуя «вторую волну» субституции начала XXI века, Э. Д. Головина говорит об апокалиптической моде на всяческие суеверия, органичные в первую очередь для такой сферы, как экстремальная деятельность [Головина, 2014, с. 61]. Для «второй волны» субституции в СП свойственны такие особенности российской социальной действительности, как 1) развитие экстремальных видов деятельности в спорте, 2) повышение роли социальной группы околосредового пространства (людей творческих профессий, шоу-бизнеса, результат деятельности которых зависит не только от профессионализма, но и во многом от удачи).

3.4.4. О. С. Иссерс к важному параметру социальной действительности, предопределившему субституцию в СП для «второй волны», относит особенности «современных средств коммуникации — в первую очередь сетевого общения». Так, «появившись в сети и получив одобрение сетевого сообщества, языковая единица молниеносно распространяется и тира-

жируется независимо от актуальной коммуникативной потребности пользователей» [Иссерс, 2017, с. 45]. Исследовательница пишет о феномене «вирусного распространения речевых новаций» [Иссерс, 2017, с. 43].

3.5. Лингвокультурный аспект изучения синонимической пары *последний — крайний*

3.5.1. Характеризуя особенности возникновения и развития субституции в СП *крайний — последний*, назовём их лингвокультурные причины: 1) лингвоцентричность русской культуры; 2) как следствие первой причины — повышенная аксиологичность русского дискурса [Вежбицкая, 1997]; 3) как следствие первой причины — активное развитие в начале XXI века креативных эвристик. В русский дискурс различных сфер деятельности всё больше внедряется креативное начало, см.: [Гридина, 2013].

3.5.2. Внимание носителей русского языка к субституции в СП *крайний — последний* подтверждает тот факт, что русская культура лингвоцентрична по своей сути [Левонтина, 2018]; ср. с размышлениями в [Иванян, 2019].

В статье «Почему говорят “Не последний, а крайний”? Что это, откуда?» Г. Гусейнов, размышляя о причинах «народной политкорректности», утверждает, что «одно из специфических свойств современных носителей русского языка, людей, говорящих по-русски, — это склонность к эсхрофемизмам или суеверный страх перед эсхрофемизмами» [Гусейнов, 2016]. Ученый приводит дескрипцию: «Эсхрофемизм — это принудительное вчитывание подтекста в любое словесное сообщение и одновременное обращение к низкому, или неподцензурному, стилю речи. Оба приёма естественным образом развиваются в среде, где господствуют цензура и доносительство» [Гусейнов, 2016]. Для субституции в СП *крайний — последний* ученый предлагает объяснение через понятие «эсхрофемизм», далее не разясняя, как феномен субституции в СП, возникший в середине XX века, получивший «вторую волну» популярности в XXI веке, соотносится с чертами тоталитарного общества, «где господствуют цензура и доносительство». Полагаем, что лингвоцентричность русской культуры даёт более простое объяснение этому.

3.5.3. Лингвоцентричность русской культуры проявляется, в частности, в достаточно развитой системе единиц метаязыкового сообщения, вербальным образом осуществляющих контроль над вербализацией [Ляпон, 1986]. В примерах с субституцией в СП *крайний — последний* частотно представлены те или иные метаязыковые рефлексивы, ср.: [Иссерс, 2014].

Как показал анализ газетного типа дискурса, рефлексивы, сопровождающая субституцию в СП *крайний — последний*, передают различные прагматические значения.

1) ‘Я в тренде современной русской речи, я принадлежу к престижной речевой группе носителей русского языка’, ср.: [Борисова, 2014, с. 53; Иссерс, 2014, с. 44] — реализуются функция речевого позиционирования коммуниканта и парольная (‘я — свой’), например:

(20) *Последний (хотя лучше скажем «крайний») раз сигналы с судна фиксировали в феврале* (Е. Проскуряков. Ах, белый теплоход, куда тебя несёт? // Комсомольская правда, 2013.03.07) [НКРЯ];

(21) *Дело в том, что их последний (или «крайний», если хотите) спектакль и фильм требует от них качественно следующего шага* (Н. Маргиева. Гришковец раскритиковал «Квартет И» // Комсомольская правда, 2011.02.01) [Там же].

2) ‘Так говорят представители такой-то сферы’ — маркировка профессионализма, реализуется дескриптивная функция, например: (6);

(22) *Последний (или крайний, как говорят летчики) свой полёт этот Ту-134 совершил 18 апреля 2008 года — борт вернулся на Минский авиаремонтный завод* (Г. Можейко. В центре Минска ржавеет VIP-самолёт Юлии Тимошенко // Комсомольская правда, 2012.06.15) [Там же];

(23) *Это была первая командировка для сына. И крайняя (слово «последняя» подводники и строители подлодок стараются не использовать — плохая примета) — для отца* (В. Баранец и др. Сын отдал свой противогаз отцу, а сам погиб // Комсомольская правда, 2008.11.11) [Там же].

3) ‘Мне нравится применять это слово’ — функция оценки, например:

(24) *Просто я верю в рыцарство, и для меня важно, несмотря на разрыв, сохранить человеческие отношения: Крайний раз (слово “последний” я не люблю) мы договорились с девушкой завершить наши отношения на катке, и я тогда первый раз в жизни встал на коньки* (К. Мигулина. Тимур Батрутдинов: «Хотел бы жениться раз и навсегда» // Труд-7, 2008.12.29) [Там же];

4) ‘Я играю словами’ — людическая функция, например:

(25) *в своем последнем (крайнем, конечно крайнем!) эфире на «Эхо Москвы» Юлия Латынина недоумевала* (А. Мельман. Юлия Латынина и раздвоение власти // Московский комсомолец, 2017.09.04) [Там же];

5) ‘Я иронизирую’ — употребление во вторичном значении, актуализируется ироническая функция, направленная на “высмеивание” лексической ошибки в СП, например: (7). В целом такая ироническая функция способна реализоваться при поддержке приёма антонимии, при помощи кавычек, в устной коммуникации — особой интонацией.

Субститут *крайний* в современном русском дискурсе приобретает черты рефлексоида, вызывая рефлексивные размышления коммуниканта по поводу его назначения и употребления (о рефлексоиде — [Маркова и др.,

2017, с. 5]), применяется в качестве намеренной катахрезы в определённой коммуникативной стратегии говорящего, о чём пойдет речь ниже.

3.6. Ортологический аспект изучения синонимической пары *последний* — *крайний*

Ортологический аспект находится во взаимодействии с лингвокультурным, методология теории правильной речи объясняет историческую изменчивость в нормах применения языковых единиц, учитывает соотношение системы языка и зууса.

3.6.1. В ортологическом аспекте актуально рассмотреть то, что Э. Д. Голвина называет «сознательной гиперкоррекцией», то есть намеренную катахрезу. РС, сформированные фреймами «Очередь» и «Опасная или творческая деятельность», привели к значительной десемантизации эвфемизма *крайний*, который, с одной стороны, стал употребляться на уровне речевой автоматизации, с другой стороны, вошёл во «вторую волну» речевой моды. В таких условиях намеренная катахреза *крайний* (вместо *последний*) начинает выполнять людическую функцию в дискурсивных практиках, организуя эвристики лингвокреативного мышления. Среди таких эвристик, называемых Т. А. Гридиной, для нас актуальными будут следующие роли коммуникантов: игрок-транслятор, игрок-стилизатор, игрок-интерпретатор [Гридина, 2013].

3.6.2. Игрок-транслятор — тип языковой личности, репродуцирующей готовый прецедентный феномен (шутку, афоризм, каламбур) [Гридина, 2013, с. 21]. Языковая игра заключается в уместности применённой шутки, ПВ, в комическом обыгрывании РС. Применительно к субституции в СП *крайний* — *последний* подобная эвристика представлена в (7), (8), (9), (10) и некоторых других примерах, содержащих метаоператоры.

3.6.3. Для игрока-стилизатора «доминантой игрового поведения является принцип подражания: гротескное» утрирование. Стилизация может быть не только произносительной, словообразовательной, но и семантической [Гридина, 2013, с. 21—22]. Применительно к нашему материалу таков пример создания ПВ в мультфильме перестроечного времени «Падал прошлогодний снег» *Кто тут, к примеру, в цари крайний?* — стилизуется речь из советской очереди.

3.6.4. В игровом поведении игрока-интерпретатора «выражена склонность к актуализации и переосмыслению форм и значений готовых языковых единиц на основе метафорической игры, произвольной мотивации», интерпретатор актуализирует отдалённые ассоциации [Гридина, 2013, с. 22]. Примеры таких эвристик в нашем материале — это переосмысленные значения ПВ *Кто тут в цари крайний?* в (15), где при помощи пре-

цедентного феномена характеризуются амбиции персонажа, стремящегося стать губернатором. Подчеркнём, что одно и то же высказывание в разных случаях употребления способно реализовать различные эвристики креативного мышления.

Полагаем, что намеренная катахреза эвристики игрока-интерпретатора нередко представлена в современном русском дискурсе при ироническом употреблении сочетаний *крайний муж*, *крайняя жена*. Такие употребления в настоящее время наращивают частотность, стремясь к закреплению в узусе. Пример О. С. Иссерс:

(26) *У 55-летнего Дмитрия Диброва в творческой биографии 4 жены. Причем две «крайние» — из племени младого, незнакомого* (Комсомольская правда, 13.10.2015) [Иссерс, 2017, с. 50].

Пример Э. Д. Головиной:

(27) [Признание эстрадной певицы Лолиты Милявской:] *Вообще всех тех, кто работает на сцене, а особенно цирковых артистов, приучили никогда не говорить слово “последний”. Надо говорить “крайний”. Поэтому Дима — моя крайняя любовь, мой крайний муж* (Конкурент. Киров. 2012. № 41) [Головина, 2014, с. 61].

Намеренная катахреза и эвристика игрока-интерпретатора представлена в названии романа В. Пелевина «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» [АА]. Попутно отметим, как высоко ценит создатель научной школы «Эффективная речь: теоретические и прикладные аспекты» А. П. Сковородников примеры языковой игры в творчестве В. Пелевина, хотя и нарушающие иногда речевую этику, но компенсирующие эстетическим противовесом в художественном слове [Сковородников, 2016, с. 320].

3.6.5. В основу рассмотрения субституции в СП *крайний — последний* О. С. Иссерс положено понятие массовой культуры русской речи с рядом признаков, предопределяющих бытование массовой культуры и причины быстрого вхождения субститута в дискурс масс-медиа. При таком подходе вопросы образования коммуниканта, типа его речевой культуры становятся неактуальными [Иссерс, 2017]. Напротив, ортологический аспект онтологического освещения *крайний vs последний* признаёт значимым обращение к пониманию типов речевой культуры, разработанному Е. В. Гольдиным и О. Б. Сиротининой и последователей концепции исследовательницы [Гольдин и др., 1993].

Согласно этой классификации и с учетом эвристик лингвокреативного мышления ставим задачу определить применение намеренной и ненамеренной катахрезы в СП *крайний — последний* с учётом типов речевой культуры.

Намеренную катахрезу в ненормативном использовании субститута *крайний* низкочастотно применяют представители элитарного типа рече-

вой культуры, обращаясь к эвристике игрока-интерпретатора, например, вышеприведенное название романа В. Пелевина.

Частотно представлена намеренная катахреза в среднелитературном типе речевой культуры. Такому типу характерно поверхностное знание литературных норм, пристрастие к модным словам и необоснованным инновациям, например:

(28) *Ни один мужчина не хочет мириться с тем, что я такая яркая звезда, не хочет делить меня с другими мужчинами до сих пор. Мой крайний муж Сергей, с которым мы прожили 10 лет мне сказал: «Ты знаешь, у тебя ещё в 72 будут моложе, чем я и ты ещё будешь зажигалкой!» Я сказала, мол, ты что, ненормальный?* (Ю. Хожателева. Елена Кондулайнен: «Вся моя жизнь — разрушение стереотипов, комплексов и шаблонов» // Комсомольская правда, 2013.04.09) [НКРЯ].

Литературно-жаргонизирующий тип речевой культуры сформировался в среде журналистов в конце XX века как противостояние советской официальной речи, ему характерно намеренное снижение, жаргонизация речи [Сиротинина]. Так, например, в (14) намеренная катахреза с компонентом *крайний* вписывается в общий глумливый тон повествования (эвристика лингвокреативного мышления — игрок-стилизатор).

В обиходном типе речевой культуры отсутствуют сознательное отношение коммуниканта к своей речи, выбор нужной формы и стиля. Соответственно применяется только ненамеренная катахреза, эвристики лингвокреативного мышления отсутствуют, коммуникант не осознает, что совершает лексическую ошибку.

Бытование субституции в СП *крайний* — *последний* в современном русском дискурсе вызвало к жизни новое ПВ (*кто тут в цари крайний?*), готовит почву для лексикализации сочетаний *крайний муж, крайняя жена*, породило ненамеренную катахрезу и намеренную катахрезу, отражающую различные эвристики лингвокреативного мышления.

4. Заключение = Conclusions

Онтологический подход к изучению замен в СП *последний* — *крайний* позволяет сформулировать следующие результаты. «Вторая волна» языковой моды на замену в СП *последний* — *крайний* свидетельствует о сохранении подобных предпочтений носителей русского языка в XXI веке. В субституции *последний* — *крайний* выявлено два фрейма: динамический фрейм «Очередь» с субвариантами («Кто последний?») и «Кто крайний?») и фрейм в статической пропозиции «Опасная деятельность». Оба фрейма реализуются посредством РС спора носителей русского языка, какой из синонимов следует употреблять и почему.



Замена в СП *последний* — *крайний* обусловлена реализацией той или иной функции: эвфемистической, гипервежливости, актуализации приема градации, приема антосинонимии, маркировки чужой речи, сигнала перехода на другой языковой субкод (сферу профессиональной речи — парольной), иронии, метаязыковой, регулятивной, речевого позиционирования, художественно-образной конкретизации. Выявлен миметический характер применения замены в СП при реализации последней функции.

Определено соответствие применения катахрезы в СП *последний* — *крайний* с учётом типов речевой культуры. Обнаружено, что намеренная катахреза, выполняя людическую функцию, организует эвристики лингвокреативного мышления. Так, для носителей элитарного типа речевой культуры выявлено употребление катахрезы посредством эвристики игрока-интерпретатора (низкочастотная особенность). Среднечастотная особенность представлена применением катахрезы в среднелитературном типе речевой культуры. В литературно-жаргонизирующем типе речевой культуры применение данной катахрезы актуализирует эвристику лингвокреативного мышления (игрока-стилизатора). В обиходном типе речевой культуры употребляется только ненамеренная катахреза.

В целом можно заключить, что субститут *крайний* в современном русском дискурсе приобретает черты рефлексоида.

Для дальнейшего изучения представляют интерес рассмотрение специфики бытования многообразия лингвистических мемов данной тематики, характеристика их функций, изучение эвристик креативного мышления, особенностей проявления русской лингвокультуры.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.
2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 14.10.2021).
3. ТСРЯД — *Толковый словарь русского языка Дмитриева*. Статьи на букву «К» (часть 9, «КОС»—«КРЕ») [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/fc/slovar-202-9.htm#zag-1975> (дата обращения 23.11.2021).

Литература

1. *Борисова Е. Г.* Мода и узус: моделирование влияния социума на речь / Е. Г. Борисова // *Мода в языке и коммуникации* : сб. статей / отв. ред. Л. Л. Федорова. Москва : РГГУ, 2014. — С. 47—55.
2. *Бохеньский Ю.* Сто суеверий: краткий философский словарь предрассудков / Ю. Бохеньский ; пер. с польск. М. М. Гуренко. — Москва : Издательская группа Прогресс, 1993. — 187 с.
3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва, 1997. — 412 с.



4. *Вилинбахова Е. Л.* Материалы к курсу лекций «Лингвистическое изучение стереотипов»: учебно-методическое пособие / Е. Л. Вилинбахова. — Санкт-Петербург, 2015. — 72 с.
5. *Головина Э. Д.* Крайний или последний? / Э. Д. Головина // *Русская речь*. — 2014. — № 4. — С. 59—64.
6. *Гольдин В. Е.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротина // *Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 25. Проблемы культуры речи*. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. — С. 9—19.
7. *Гридина Т. А.* К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи / Т. А. Гридина // *Лингвистика креатива-1: коллективная моногр.* / ред. Т. А. Гридина. — 2-е изд. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. — С. 5—58.
8. *Гусейнов Г.* Нулевые на кончике языка. Краткий путеводитель по русскому дискурсу / Г. Гусейнов. — Москва: Дело, 2012. — 240 с.
9. *Гусейнов Г.* Почему говорят «Не последний, а крайний»? Что это, откуда? [Электронный ресурс] / Г. Гусейнов // *Мир тесен*. — Режим доступа: <https://agv.mirtesen.ru/blog/43998733371/Pochemu-govoryat-«Ne-posledniy,-a-kрайniy»,-chto-eto,-otkuda> (дата обращения: 10.10.2021).
10. *Иванян Е. П.* Для чего шампунь в романе «Обитель», или о мире вербального бытия / Е. П. Иванян // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. — 2019. — Т. 10, № 4. — С. 59.
11. *Иссерс О. С.* Дай Бог не последний! (о вирусной эвфемизации в контексте массовой речевой культуры) / О. С. Иссерс // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи*. — Москва, 2017. — С. 43—52.
12. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. В. Караулов. — Москва: Наука, 1976. — 356 с.
13. *Клюшина А. М.* Проявление семантики крайности в персониферии В. С. Высоцкого / А. М. Клюшина // *Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции. Москва, 20 ноября 2020 года*. — Москва: Московский государственный областной университет, 2020. — С. 247—250.
14. *Клюшина А. М.* О некоторых средствах выражения семантики крайности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / А. М. Клюшина // *Libri Magistri*. — 2021. — № 2 (16). — С. 36—45. — DOI 10.52172/2587-6945_2021_16_2_36.
15. *Колесникова Е. И.* Опыт выявления гендерных особенностей семантики слова *последний* / Е. И. Колесникова // *Психолингвистика и лексикография: сб. науч. тр.* / ред. А. В. Рудакова. — Воронеж: Истоки, 2015. — Вып. 2. — С. 193—197.
16. *Колесов В. В.* Культура речи — культура поведения / В. В. Колесов. Ленинград: Лениздат, 1988. — С. 234—235.
17. *Левонтина И. Б.* Каким стал русский язык сегодня? Часть I. [Электронный ресурс] / И. Б. Левонтина. — Режим доступа: <https://foma.ru/kakim-stal-russkiy-yazyik-segodnya-chast.html> (дата обращения 12.10.2021).
18. *Ляпон М. В.* Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. — Москва: Наука, 1986. — 201 с.
19. *Маркова Е. М.* Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) [Электронный ресурс] / Е. М. Маркова, Л. В. Рацибурская, О. С. Иссерс и др. // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. — 2017. — № 1. — Режим доступа: <http://evestnikmgou.ru/en/Articles/Doc/799> (дата обращения 12.10.2021).



20. Новиков Л. А. Семантика русского языка : учебное пособие / Л. А. Новиков. — Москва : Высшая школа, 1982. — 272 с.

21. Новикова Л. И. Словесные кружева, или нормы согласования и управления / Л. И. Новикова, Е. Э. Грибанская // Образовательные технологии. — 2016. — № 3. — С. 122—135.

22. Реброва Н. Е. Лексикографический статус эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации (на материале английского и немецкого языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. Е. Реброва. — Ярославль, 2020. — 23 с.

23. Рыжков В. А. Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности / В. А. Рыжков // Языковое сознание: стереотипы и творчество. — Москва : ИЯЗ, 1988. — С. 4—16.

24. Сидоренко А. В. Запрет в системе речевых и фольклорных жанров / А. В. Сидоренко // Жанры речи. — 2020. — № 2 (26). — С. 100—109.

25. Сиротинина О. Б. Речевая культура [Электронный ресурс] / О. Б. Сиротинина. — Режим доступа : <https://studfile.net/preview/4412665/> (дата обращения 15.10.2021).

26. Сквородников А. П. Экология русского языка : монография / А. П. Сквородников. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. — 388 с.

27. Тудосе В. Особенности русской разговорной речи жителей Молдавии / В. Тудосе // Русин. — 2006. — № 2 (4). — С. 168—184.

28. Успенский Л. В. Слово о словах. Ты и твоё имя / Л. В. Успенский. — Ленинград : Лениздат, 1962. — 636 с.

29. Чергинец И. А. Смыслопостроение суеверий и предрассудков в английской и русской лингвокультурах : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / И. А. Чергинец. — Нальчик, 2008. — 24 с.

30. Ivanyan E. The Use of the Phraseological Units with the Semantics of Extreme in Russian Discourse / E. Ivanyan, A. Klyushina // The Discoursal Use of Phraseological Units / Edited by E. Arsenteva. — Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2021. — P. 123—145.

Material resources

AA — *Authors archive*. (In Russ.).

NKRYa — *Russian National Corpus*. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed 14.10.2021). (In Russ.).

TSRYaD — *Dmitriev's Explanatory dictionary of the Russian. Articles starting with the letter "K"*. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/fc/slovar-202-9.htm#zag-1975> (accessed 23.11.2021). (In Russ.).

References

Bochenski, J. M. (1993). *One hundred tab. A philosophical dictionary of superstitions*. Moscow: Progress. 187 p. (In Russ.).

Borisova, E. G. (2014). Fashion and Usus: Modeling the Influence of Society on Speech. In: *Fashion in language and communication: Sat. articles*. Moscow: RGGU. 47—55. (In Russ.).

Cherginets, I. A. (2008). *Meaning building of superstitions and prejudices in English and Russian linguistic cultures: author's abstract of PhD Diss*. Nalchik. 24 p. (In Russ.).

Golovina, E. D. (2014). Last or last? *Russian speech*, 4: 59—64. (In Russ.).



- Goldin, V. E., Sirotina, O. B. (1993). Intranational speech cultures and their interaction. In: *Questions of style: interuniversity. Sat. scientific works. Iss. 25. Problems of culture of speech*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. 9—19. (In Russ.).
- Gridina, T. A. (2013). To the origins of verbal creativity: creative heuristics of children's speech. In: *Linguistics of creativity-1: collective monograph*. (2nd ed.). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. 5—58. (In Russ.).
- Guseynov, G. (2012). *Zeros on the tip of the tongue. A short guide to Russian discourse*. Moscow: Delo. 240 p. (In Russ.).
- Guseynov, G. Why do they say “Not the last, but the last”? What is it, where does it come from? In: *Mirtesen*. Available at: <https://agv.mirtesen.ru/blog/43998733371/Pochemu-govoryat-«Ne-posledniy,-a-krayniy»,-chto-eto,-otkuda> (accessed 10.10.2021). (In Russ.).
- Issers, O. S. (2017). God forbid, not the last! (on viral euphemization in the context of mass speech culture). In: *Proceedings of the Institute of the Russian Language V. V. Vinogradova. Iss. 13. Culture of Russian speech*. Moscow. 43—52. (In Russ.).
- Ivanyan, E. P. (2019). For what shampoo in the novel “Monastery”, or about the world of verbal being. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies, 10 (4)*: 59. (In Russ.).
- Ivanyan, E., Klyushina, A. (2021). The Use of the Phraseological Units with the Semantics of Extreme in Russian Discourse. In: *Arsenteva, E. (ed.) The Discoursal Use of Phraseological Units*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 123—145.
- Karaulov, Yu. N. (1976). *General and Russian ideography*. Moscow: Nauka. 356 p. (In Russ.).
- Klyushina, A. M. (2020). The manifestation of the semantics of extremes in the personosphere of V. S. Vysotsky. In: *Lekant's Readings: Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet. 247—250. (In Russ.).
- Klyushina, A. M. (2021). F. M. Dostoevskiy's novel “The Brothers Karamazov”: some means of the semantic extreme expression. *Libri Magistri, 2 (16)*: 36—45. DOI 10.52172/2587-6945_2021_16_2_36. (In Russ.).
- Kolesnikova, E. I. (2015). Experience in identifying gender features of the semantics of the word last. In: *Psycholinguistics and lexicography*. Voronezh: Istoki. Iss. 2. 193—197. (In Russ.).
- Kolesov, V. V. (1988). *Culture of speech — culture of behavior*. Leningrad: Lenizdat. 234—235. (In Russ.).
- Levontina, I. B. *What has the Russian language become today? Iss. 1*. Available at: <https://foma.ru/kakim-stal-russkiy-yazyik-segodnya-chast.html> (accessed 12.10.2021). (In Russ.).
- Lyapon, M. V. (1986). *The semantic structure of a complex sentence and text. On the typology of intratext relations*. Moscow: Nauka. 201 p. (In Russ.).
- Markova, E. M., Ratsiburskaya, L. V., Issers, O. S. (et al.). (2017). The role of the media in the democratization and creativity of the modern Russian language (round table). *Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal), 1*. Available at: <http://evestnikmgou.ru/en/Articles/Doc/799> (accessed 12.10.2021). (In Russ.).
- Novikov, L. A. (1982). *Semantics of the Russian language: textbook*. Moscow: Vysshaya shkola. 272 p. (In Russ.).
- Novikova, L. I., Gribanskaya, E. E. (2016). Verbal lace, or norms of coordination and control. *Educational technologies, 3*: 122—135. (In Russ.).



- Rebrova, N. E. (2020). *Lexicographic Status of Euphemisms as Language Means of Representation of Linguistic and Cultural Information (Based on the Material of English and German Languages): author's abstract of PhD Diss.* Yaroslavl. 23 p. (In Russ.).
- Ryzhkov, V. A. (1988). Features of stereotyping, which must accompany the socialization of an individual within a certain national-cultural community. In: *Linguistic consciousness: stereotypes and creativity*. Moscow: IYaZ. 4—16. (In Russ.).
- Sidorenko, A. V. (2020). Prohibition in the system of speech and folklore genres. *Genres of speech*, 2 (26): 100—109. (In Russ.).
- Sirotnina, O. B. *Speech culture*. Available at: <https://studfile.net/preview/4412665/> (accessed 15.10.2021). (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P. (2016). *Ecology of the Russian language: monograph*. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. 388 p. (In Russ.).
- Tudose, V. (2006). Features of Russian colloquial speech of the inhabitants of Moldova. *Rusin*, 2 (4): 168—184. (In Russ.).
- Uspenskiy, L. V. (1962). *Word about words. You and your name*. Leningrad: Lenizdat. 636 p. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Language. Culture. Cognition*. Moscow. 412 p. (In Russ.).
- Vilinbakhova, E. L. (2015). *Materials for the course of lectures "Linguistic study of stereotypes": teaching aid*. St. Petersburg. 72 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.12.2021,
одобрена после рецензирования 09.04.2022,
подготовлена к публикации 30.04.2022.